

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

С.Н. Введенский

**Церковный собор
в Костроме при митрополите
Всероссийском Феофане**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1914. № 2. С. 235-245.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Церковный соборъ въ Костромѣ при митрополитѣ Всероссійскомъ Θεогностѣ ¹⁾.

ИЗВѢСТНЫЙ историкъ русской церкви Е. Е. Голубинскій, описывая правленіе Всероссійскаго митрополита Θεогноста (1328 — 1353 гг.), отмѣчаетъ, что при немъ когда-то былъ въ Костромѣ соборъ. „Но объ этомъ соборѣ,—говоритъ почтенный изслѣдователь,—кромѣ того, что имъ рѣшенъ былъ споръ между двумя епископами о границахъ епархій (рязанскимъ и сарайскимъ), болѣе намъ ничего неизвѣстно. Возможно, что соборъ... сдѣлалъ какія-нибудь важныя постановленія, которыя весьма должно бы знать намъ; но, какъ много разъ говорили мы прежде и какъ не мало разъ придется сказать намъ и послѣ, лѣтописцы наши ведутъ себя по отношенію къ церковнымъ дѣламъ такъ, что теперешнимъ историкамъ церкви остается только плакать“ ²⁾...

Въ настоящемъ сообщеніи я постараюсь подвергнуть разбору всѣ уцѣлѣвшія свѣдѣнія о соборѣ въ Костромѣ и на основаніи этого опредѣлить, когда именно былъ соборъ, что могло служить предметомъ его занятій и въ какой мѣрѣ приложимы въ данномъ вопросѣ приведенныя сейчасъ сожалѣнія почтеннаго историка о скудости лѣтописныхъ свѣдѣній.

¹⁾ Рефератъ, прочитанный на IV Областномъ историко-археологическомъ съѣздѣ въ гор. Костромѣ.

²⁾ Исторія рус. церкви. (Періодъ II). Томъ II. Первая половина тома. Москва 1900. Стр. 162—163.

Въ грамотѣ митроп. Алексѣя на Червленый Яръ читаемъ, между прочимъ, слѣдующія строки: „О томъ же передѣлѣ, по Великую Ворону, возлѣ Хопоръ, до Дону, по карауломъ, церкви, что тотъ передѣлѣ, какъ то нишуть грамоты брата моего Максима митрополита, и Петра, и Θεогноста, *что сборомъ створили на Костромѣ*, и владыка Софоній далъ грамоты изъ усть своихъ, что ему отъ тѣхъ мѣсть, по тѣмъ грамотамъ, не лѣзъ вступатися въ тотъ передѣлѣ чюжій, и явно (вар. явлено) есть и вси вѣдаютъ, что тотъ передѣлѣ не сарайскій“¹⁾. Чтобы яснѣе представить себѣ дѣло, передадимъ кратко тѣ обстоятельства, какими вызвана была приведенная сейчасъ грамота свят. Алексѣя.

Въ концѣ XII в. возникла самостоятельная епархія въ Рязани, отдѣлившаяся отъ епархіи Черниговской. Новая каеэдра объединила подъ своимъ управленіемъ всѣ земли, принадлежавшія тремъ вѣтвямъ Рязанской княжеской линіи—Святославичей: княжества Рязанское, Муромское и Пронское. По условіямъ славяно-русской колонизаціи, направлявшейся главнымъ образомъ изъ Суздальской области вверхъ по Окѣ съ ея притоками и отсюда — по верхнему Дону, въ XII в., благодаря торговымъ сношеніямъ съ кочевыми народами, возникаютъ русскіе города на южной и юго-восточной окраинѣ Рязанскаго княжества, по рр. Воронѣ и Хопру и по берегамъ Дона. Первое извѣстіе о такихъ городахъ находится въ лѣтописи подъ 1148 годомъ, въ разсказахъ о томъ, какъ князь Глѣбъ, сынъ Юрія Долгорукаго, послѣ неудачнаго нападенія на Курскъ, былъ въ Рязани *и во градѣхъ Червленого Яру и на Велицѣи Воронѣ*, и отсюда, очевидно, собравъ войска, возвратился къ Черниговскимъ князьямъ на помощь. При нашествіи татаръ территорія Рязанскаго княжества, а вмѣстѣ — и Рязанской епархіи осталась безъ перемѣны. Но въ 1261 г. въ Сараѣ, на низовьяхъ Волги, была открыта особая епископская каеэдра, въ вѣдѣніе которой, кромѣ русскихъ христіанъ въ самомъ г. Сараѣ, должны были поступить и тѣ крещенные татары, которые жили въ осѣдлыхъ поселеніяхъ по р. Дону. Область этихъ поселковъ, съ развитіемъ торговыхъ и промышленныхъ сношеній татаръ съ русскими, постепенно подвигалась

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, издан. Археогр. Комиссіи. Т. VI. Изд. 2. Спб. 1908. Столб. 171—172.

по Дону все выше и выше, пока, наконецъ, русскія и татарскія селенія не встрѣтились въ междурѣчьи Хопра и Дона и даже значительно выше указанной области — на берегахъ р. Вороны. Это обстоятельство и повело къ продолжительному спору Рязанскихъ епископовъ съ Сарайскими о предѣлахъ епархій. Яблокомъ раздора служила пограничная полоса Рязанскаго княжества по указаннымъ выше рѣкамъ; въ междурѣчьи первыхъ двухъ и находился Червленый Яръ. Рязанскіе епископы стояли на почвѣ тѣхъ церковныхъ канонѣвъ, по которымъ церковныя области должны совпадать въ своемъ дѣленіи съ дѣленіемъ по гражданскому управленію. Епископы же Сарайскіе, помимо обстоятельствъ случайныхъ, напримѣръ, личнаго благоволенія къ нимъ ханѣвъ и связей при его дворѣ, очевидно, опирались въ своихъ притязаніяхъ на тотъ фактъ, что въ указанной территоріи были христіане изъ татаръ, можетъ быть, даже подданные хана, которыхъ они могли считать членами своей паствы. Споръ возникъ еще при митроп. Максимѣ (1283—1305 г.), продолжался при св. Петрѣ (1308—1326 г.). Оба митрополита, при рѣшеніи вопроса, дали грамоты въ пользу Рязанскихъ епископовъ. По лѣтописямъ въ 1312 г. митрополитъ Петръ сваялъ санъ съ епископа Сарайскаго Измаила. Весьма возможно, что поводомъ къ этому послужило упорство Сарайскаго епископа въ отстаиваніи своихъ правъ на Червленый Яръ, вопреки митрополичьимъ грамотамъ ¹⁾.

Однако, и столь суровыя наказанія не остановили Сарайскихъ епископовъ. Вопросъ возникъ снова при митроп. Θεогностѣ и сдѣлался предметомъ разсмотрѣнія на церковномъ соборѣ въ Костромѣ. Въ своей грамотѣ на Червленый Яръ митроп. Θεогностъ, упомянувъ о грамотахъ своихъ предшественниковъ—Максима и Петра, добавляетъ, что рязанскій владыка представилъ ему еще третью грамоту — владыки Сарайскаго Софоніи, „какъ то ся отступилъ того передѣла, что ся ему не вступати, занеже не сарайскій передѣлъ, но рязанскій“ ²⁾. Здѣсь не говорится, что грамота Софоніи дана была именно на Костромскомъ соборѣ; но это открывается

¹⁾ Исторія споровъ о Червленомъ Ярѣ подробно изложена нами въ статьѣ: „Червленый Яръ“ (церковно-историческій и географическій этюдъ). Воронежская Старина. Выпускъ V (Воронежъ 1905), стрр. 347—380.

²⁾ Русск. Истор. Библиот., VI, 165.

съ несомнѣнною изъ приведенной выше грамоты свят. Алексѣя.

Изъ собранныхъ нами данныхъ, такимъ образомъ, видно, что на церковномъ соборѣ въ Костромѣ, бывшемъ въ правленіе митроп. Θεогноста, Сарайскій епископъ далъ отказную грамоту, обѣщавшись не вступаться въ Червленый Яръ и вообще въ область по р. Великую Ворону, какъ „предѣль Рязанскій, а не Сарайскій“.

Послѣ этихъ вводныхъ свѣдѣній мы можемъ перейти къ подробному анализу текста отказной грамоты епископа Софоніи. Въ первый разъ эта грамота была обнародована въ одномъ провинціальномъ, мало извѣстномъ трудѣ, именно въ „Историческомъ обзорѣніи Рязанской іерархіи“ Т. Воздвиженскаго, въ слѣдующемъ видѣ: „Се азъ епископъ Сарайскій Софоній пишу сию грамоту предъ господиномъ моимъ преосвященнымъ Θεогностомъ митрополитомъ всея Руси и предъ братьею своею епископы Антоніемъ Ростовскимъ и Даниломъ Суздальскимъ, отселъ потомъ не вступатися въ предѣлѣхъ Рязанской на Великую Ворону, а оже вступлюся, осужденъ буду каноны. Того дѣля есмь сию грамоту далъ на утверждение“ ¹⁾. Вмѣстѣ съ грамотами митрополитовъ Θεогноста и Алексѣя, грамота еписк. Софоніи хранилась въ архивѣ Рязанской архіерейской каѳедры и была въ 1623 году представлена архіепископомъ Моисеемъ царю Михаилу Θεодоровичу съ просьбой—вписать ихъ въ жалованную тарханную грамоту. По списку съ этого послѣдняго документа текстъ отказной грамоты еписк. Софоніи былъ напечатанъ во II томѣ „Русской Исторической библіотеки“, причемъ грамотѣ Софоніи предшествуютъ здѣсь слѣдующія строки: „Въ грамотѣ епископа Сарайскаго Софонія, мѣсяца марта, индикта въ 13 день написано“... (и т. д.) ²⁾. Измаиль Иван. Срезневскій, знавшій эту грамоту только по изданію Воздвиженскаго, отнесся къ ней съ недоувѣріемъ. Онъ оста-

¹⁾ Т. Воздвиженскій. Историческое обзорѣніе Рязанской іерархіи. М. 1820. Стр. 25.

²⁾ Русская Историч. Библіотека. Т. II. Спб. 1875. Столб. 415 (тарханная грамота царя Михаила Θεодоровича и патріарха Филарета Рязанскому и Муромскому архіепископу Антонию, 1623 года марта 5). По тому же списку грамота Софоніи напечатана и въ „Рязанскихъ Достопамятностяхъ“, собранныхъ Архим. Іеронимомъ (Рязань, 1899), § 57, стр. 21.

новилъ свое вниманіе на томъ, что хронологія правленія Суздальскаго епископа Даниила, извѣстная изъ лѣтописей, повидимому, съ текстомъ грамоты Софоніи не согласуется ¹⁾. Но въ новомъ изданіи VI тома „Русской Исторической Библиотеки“ его редакторъ, профессоръ В. Н. Бенешевичъ, уже склоняется къ мысли, что текстъ грамоты „едва ли подложный“ ²⁾. При современномъ состояніи источниковъ мы имѣемъ законное право признать грамоту Софоніи вполне подлинною, такъ какъ она выдерживаетъ строгую критическую провѣрку со стороны хронологіи.

Среди извѣстныхъ записей о поставленіи русскихъ епископовъ XIV в. при митроп. Θεογνοστί, найденныхъ г. Регелемъ въ Ватиканской библиотекѣ, есть одна такого содержания: „Въ мѣсяцѣ мартѣ 2 [числа], года 6838 (=1330) индикта 13, выборы на епископію богоспасаемаго города Суздаля, въ присутствіи боголюбивѣйшихъ епископовъ: Антонія Ростовскаго, Софоніи Сарайскаго и Григорія Рязанскаго, съ согласія и прочихъ епископовъ. По чину каноническому были избраны кандидатами три достойныя лица: іеромонахъ Данииль, Андрей и Ефремъ; [изъ нихъ] предпочтенъ и избранъ іеромонахъ Данииль, который и поставленъ епископомъ Суздальскимъ“ ³⁾. Въ этой записи, точность которой не подвергается никакому сомнѣнію, мы имѣемъ документъ, стоящій въ самомъ близкомъ отношеніи къ грамотѣ епископа Софоніи. Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе одинъ и тотъ же перечень епископовъ въ обоихъ случаяхъ. Правда, имени Рязанскаго епископа Григорія въ грамотѣ Софоніи нѣтъ. Но присутствіе Рязанскаго владыки при „отказѣ“, какъ одной изъ спорящихъ сторонъ, по смыслу этой грамоты обязательно предполагается. Пересмотримъ теперь тѣ хронологическія данныя о каждомъ изъ названныхъ епископовъ въ отдѣльности, какія сообщаются другими ва-

¹⁾ И. Срезневскій. Древніе памятники русскаго письма и языка. Изд. 2. Спб. 1882. Стр. 186—187. Точно также и въ своей „Славяно-русской палеографіи“ И. И. Срезневскій перечисляетъ грамоты Софоніи среди памятниковъ, „извѣстныхъ только по упоминанію“ (Спб. 1885. Стр. 227, въ приложен. къ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“).

²⁾ Русск. Историч. Библиот., т. VI, приложен., стр. 442.

³⁾ В. Василевскій. Записи о поставленіи русскихъ епископовъ при митроп. Θεογνοστί въ Ватиканскомъ греческомъ сборникѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1888 г., № 2, стр. 445 и слѣд.). *W. Regel. Analecta byzantino-rossica. Petropoli. 1891. Pag. 52—56.*

тиканскими записями и нашими летописями. Епископъ Ростовскій Антоній, по сообщенію летописей, правилъ епархіей съ 1328 по 1336 годъ. Въ 1328 г. скончался его предшественникъ епископъ Прохоръ, а въ 1337 г. поставленъ въ Ростовъ уже новый епископъ—Гавріилъ ¹⁾. Ватиканская запись (№ 3) указываетъ точную дату избранія Антонія въ Ростовъ — въ октябрѣ 1329 года ²⁾. Даниилъ Суздальскій, относительно котораго возникло сомнѣніе у И. И. Срезневскаго, по ватиканской записи, приведенной выше, былъ поставленъ въ мартѣ 1330 года, а изъ другой такой же записи (№ 9) открывается, что въ августѣ 1347 г. въ Суздаль былъ уже рукоположенъ новый епископъ—Наѳанаилъ ³⁾. Въ Воскресенской летописи подъ 6859 (1351) годомъ сообщается, что митроп. Теогность „благословилъ служити Даниила епископа въ Суздаль, понеже отлученъ былъ, и пріять древній свой санъ и просвѣтися паки святительствомъ великаго архіерейства“ ⁴⁾. По словамъ Татищева, Даниилъ страдалъ за то, что подвергъ церковному отлученію бояръ, которые, кажется, присвоили себѣ села Суздальской каедрь. По просьбѣ Суздальскаго князя Андрея Константиновича митроп. Теогность разрѣшилъ епископа Даниила отъ запрещенія ⁵⁾. По летописямъ, Даниилъ скончался въ 1362 г. ⁶⁾; но онъ былъ уже въ это время, вѣроятно, опять на покоѣ, такъ какъ за Наѳанаиломъ на Суздальской каедрѣ упоминается еще епископъ Іоаннъ ⁷⁾. Григорій Рязанскій, по летописямъ, былъ въ 1325 г. при погребеніи великаго князя Юрія Даниловича ⁸⁾, а по ватиканской записи (№ 3)—участвовалъ въ октябрѣ 1329 г. въ поставленіи Антонія Ростовскаго; въ 1334 году онъ былъ при избраніи Сарайскаго

¹⁾ Полное собран. рус. летописей, VII, 201, 204 (Воскресенская летопись). Сравни. Лаврент. летоп., изд. 3 (Спб. 1897), стр. 503. Строевъ. Списки іерарховъ, 330.

²⁾ Русск. Ист. Библиот., VI, 434.

³⁾ Тоже, 440.

⁴⁾ Полн. Собр. Рус. летоп., VII, 215 (по Никоновской летописи—въ 1350 г. „отлученъ бѣ нѣкія ради вины“, X, 222); срви. Продолженіе Нестора, стр. 92; Древн. летоп. 1775 г. I, 199; Летоп. Львова, II, 118.—См. также А. А. Титова. Суздальская іерархія (Матеріалы для ист. рус. церкви, вып. IV) М. 1892. Стр. 28—29.

⁵⁾ Татищевъ. Исторія Россійская, IV, 170.

⁶⁾ П. С. Р. Л., XI, 1.

⁷⁾ А. Титовъ. Суздальск. іерархія, стр. 28—29.

⁸⁾ Полн. Собр. Рус. летоп., III, 73; V, 217; VII, 199.

епископа Аѳанасія (запись № 6), а въ 1343 году епископомъ Рязанскимъ называется уже Кирилль (№ 7) ¹⁾.

Сводя теперь вмѣстѣ добытыя нами хронологическія данныя, мы получаемъ, прежде всего, тотъ выводъ, что грамота епископа Софоніи могла быть дана имъ *не ранѣе 1330 года*, когда поставленъ былъ въ Суздаль еписк. Даниилъ, но и не позже 1336 г., въ которомъ скончался Ростовскій еписк. Антоній ²⁾.

Но отказная грамота епископа Софоніи открываетъ нѣкоторую возможность установить время Костромскаго собора съ большею точностью. Въ предисловіи къ ней сообщается, что она дана „мѣсяца марта индикта въ 13 день“... Для лицъ, незнакомыхъ съ стариннымъ церковнымъ лѣтосчисленіемъ, необходимо отмѣтить, что индиктомъ назывался кругъ времени въ 15 лѣтъ, такъ что при точныхъ хронологическихкихъ датахъ обозначался счетъ и индиктовъ, и отдѣльныхъ въ нихъ годовъ. Одно же слово „индикта“, безъ добавленія цифры, въ древнихъ памятникахъ иногда указываетъ самый *последній*, т. е. 15-й годъ индикта. Таковыми годами въ правленіе митроп. Феогноста, по точнымъ вычисленіямъ, были годы 1332 и 1347. Последній годъ никакъ не можетъ быть годомъ Костромскаго собора, потому что въ такомъ случаѣ на немъ не могъ участвовать Ростовскій еписк. Антоній († 1336 г.). Но нельзя принять годомъ собора и 1332 годъ, такъ какъ митрополитъ Феогностъ, по даннымъ хронографовъ и лѣтописей и по соображенію ихъ съ ватиканскими

¹⁾ Русск. Ист. Библ., VI, 434, 438.

²⁾ Свящ. Н. Соловьевъ полагаетъ, что Костромской соборъ „долженствовалъ быть 1) *несомнѣнно* въ 1328—1335 г.г., потому-что Антоній святительствовалъ на каедрѣ Ростовской въ сказанный періодъ времени, и 2) *предположительно*—въ 1332—1335 г.г.; эту последнюю догадку о Соловьевъ основываетъ на томъ, что митр. Феогностъ, послѣ продолжительныхъ путешествій, возвратился изъ Константинополя черезъ Орду только послѣ 1331 года (Сарайская и Крутицкая епархіи. М. 1894. Стр. 28, примѣч. 30).—Архіеп. Филаретъ Черниговскій въ статьѣ о Рязанскихъ іерархахъ дѣлаетъ замѣтку: „По грамматамъ Феогноста и Софоніи, Аѳанасій Сарайскій былъ лишень каедры въ 1334 г., и на его мѣсто поставленъ Софонія съ обязательствомъ о Червленомъ Ярѣ“. (Христ. Чтеніе, 1859 г., т. I, стр. 353—354, примѣч. 19-е).—В. С. Иконниковъ неопредѣленно выражается, что „Кострома служила мѣстомъ церковнаго собора (до 1336 года)“. (Опытъ рус. исторографіи. Томъ II. Кн. 1. Кіевъ. 1908. Стр. 891).

записями, съ марта или апрѣля 1330 года пробыль на югѣ Россіи, въ Константинополѣ и въ Ордѣ до весны 1333 года ¹⁾). Возникаетъ, такимъ образомъ, затрудненіе: мы не имѣемъ, съ одной стороны, никакого повода отвергнуть подлинность текста грамоты еп. Софоніи; съ другой стороны, дата ея предисловія не согласуется съ точными лѣтописными извѣстіями. Чтобы выйти изъ этого противорѣчія, нужно обратить вниманіе на то, что индиктъ грамоты Софоніи датированъ въ ея спискѣ первой четверти XVII в. А при перепискѣ подобныхъ документовъ нерѣдко допускались погрѣшности именно въ обозначеніи индиктовъ. Нагляднымъ примѣромъ этого могутъ служить русскіе списки извѣстныхъ „Отвѣтовъ Константинопольскаго патріаршаго собора на вопросы Сарайскаго епископа Θεогноста“. Въ этомъ памятникѣ изслѣдователямъ удалось точно обозначить его хронологію только тогда, когда былъ найденъ греческій текстъ „отвѣтовъ“ ²⁾). Весьма возможно, что подобная же ошибка писца произошла и въ предисловіи къ грамотѣ еписк. Софоніи. Цифру 13 писецъ отъ индикта переставилъ къ мѣсяцу марту. Если же мы прочитаемъ запись такъ: „индикта 13 мѣсяца марта...“, то получимъ *1330 годъ, мѣсяцъ мартъ*, безъ указанія дня, какъ это сдѣлано и въ нѣкоторыхъ ватиканскихъ записяхъ ³⁾).

Такимъ образомъ, подробный разборъ грамоты еписк. Софоніи, въ связи съ ватиканскою записью о поставленіи Суздальскаго епископа Даниила, приводитъ насъ къ той догадкѣ, что соборъ въ Костромѣ, на которомъ рѣшался споръ о Червленомъ Ярѣ, падаетъ на мартъ 1330 годъ, когда было и посвященіе еписк. Даниила. Очевидно, оба эти церковныя событія стояли одно съ другимъ въ самой тѣсной связи—и причинной, и хронологической, потому что трудно признать случайнымъ такое полное совпаденіе двухъ документовъ и въ именахъ епископовъ, и въ хронологіи. Здѣсь умѣстно привести еще одно лѣтописное извѣстіе, то же подтверждающее нашу догадку о времени Костромскаго собора, а от-

¹⁾ *Е. Голубинскій. Истор. рус. церкви, т. II, полов. 1, стр. 154—155.*

²⁾ Русск. Историч. Вибліот., VI, 129—130, примѣчанія 1 и 8 (русскій писецъ произвольно вставилъ имя митроп. Максима и, сообразно съ этимъ, 4-й индиктъ измѣнилъ на 14-й).

³⁾ „...въ мѣсяцѣ маѣ, индикта 11... (запись № 1), ...въ мѣсяцѣ октябрь, индикта 13 (№№ 3, 4, 5, 6 и друг.). (Русск. Истор. Вибліот., VI, 431—436 и дал.).

части и объясняющее, почему вопросъ о Червленомъ Ярѣ именно въ 1330 году былъ такъ настойчиво выдвинутъ, что потребовалось его соборное рѣшеніе. Никоновская лѣтопись сообщаетъ: „Лѣта 6838 (= 1330).. пожалова Азбякъ царь Сарайскаго владыку, даде ему по прошенію его, и никто же его ничимъ же да не обидитъ“¹⁾. Имя Сарайскаго владыки, получившаго отъ хана пожалованіе (т. е. милостивую грамоту или ярлыкъ), въ лѣтописи не означено. Но мы теперь уже точно знаемъ, что Сарайскимъ епископомъ въ 1330 году былъ несомнѣнно Софонія. Сопоставляя извѣстіе лѣтописи съ данными о Костромскомъ соборѣ, мы легко поймемъ особенную настойчивость притязаній епископа Софоніи на Червленый Яръ въ 1330 г.: очевидно, этотъ епископъ, въ своей попыткѣ отнять у Рязанской каѳедры спорную область, опирался на личное благоволеніе къ нему хана²⁾.

Но наше ученое любопытство не останавливается на одной лишь хронологической датѣ собора. „Возможно, что соборъ сдѣлалъ какія-нибудь важныя постановленія“,—предполагаетъ Е. Е. Голубинскій. Какъ ни скудны сохранившіяся данныя, однако, они заключаютъ въ себѣ нѣкоторый матеріалъ для рѣшенія и этого вопроса. Остановимъ свое вниманіе на слѣдующихъ обстоятельствахъ. Рѣшеніемъ Костромскаго собора споръ о Червленомъ Ярѣ не окончился. Напротивъ, онъ возобновился вскорѣ. Митроп. Феогносту пришлось послѣ 1334 года посылать грамоту по старому вопросу, но уже новому Сарайскому епископу Аѳанасію. Митрополитъ пишетъ, что онъ отправлялъ особое довѣренное лицо—игумена для рѣшенія вопроса на мѣстѣ, и, по свидѣтельству этого игумена, дана была грамота на Червленый Яръ въ пользу Сарайскаго епископа³⁾. Но Рязанскій владыка пріѣхалъ къ

¹⁾ П. С. Р. Л., X, 203.

²⁾ О томъ, что Сарайскіе епископы, благодаря своему пребыванію въ ханской столицѣ, получили очень важное значеніе для нашихъ митрополитовъ и князей, см. у Голубинскаго, т. II, полов. 1, ст. 60.

³⁾ Можетъ быть, и въ этотъ разъ на митрополита было оказано нѣкоторое давленіе со стороны хана и его приближенныхъ въ пользу Сарайскаго епископа, такъ что митроп. Феогностъ во время своего пребыванія въ Ордѣ вынужденъ былъ послать игумена для разслѣдованія спора и затѣмъ далъ грамоту въ пользу Сарайскаго епископа Аѳанасія (это могло быть въ 1341—1342 г.г., во время второго хожденія митрот. Феогноста въ Орду, послѣ вступленія на престолъ новаго хана Чанибека.—*Голубинскій*. Ист. рус. церкви, т. II, полов. 1, стр. 155—156).

митрополиту съ своими клирошанами и представилъ ему прежнія митрополичьи грамоты—Максима и Петра „и явилъ ми,—добавляетъ Θεогность,— и третью грамоту владыки Сарайскаго Софонья“. Это краткое сообщеніе даетъ возможность установить надлежащій взглядъ на значеніе Костромскаго собора и на степень его важности въ церковной жизни того времени. Ясно, что послѣ этого собора въ рукахъ митрополита не осталось никакихъ документальныхъ данныхъ, а это, разумѣется, скорѣе всего потому, что на соборѣ и не было такихъ постановленій общецерковнаго характера, которыя требовали бы составленія особыхъ актовъ или дѣяній собора. Соборъ разсмотрѣлъ только одинъ частный вопросъ, и памятникомъ его рѣшенія осталось лишь отказная грамота, которая и хранилась не въ митрополичьемъ архивѣ, а въ рукахъ одного заинтересованнаго въ дѣлѣ Рязанскаго епископа. Только при такомъ предположеніи и становятся понятными слова митр. Θεогноста о томъ, что Рязанскій епископъ *явилъ* ему грамоту Софоніи.

Такому частному и второстепенному значенію Костромскаго собора соотвѣтствовалъ и небольшой составъ его участниковъ, и маловажное въ то время значеніе г. Костромы. На Владимірскомъ соборѣ 1274 года, кромѣ митрополита, присутствовали еще 5 епископовъ: Новгородскій, Ростовскій, Переяславскій, Полоцкій и Владимірскій ¹⁾. На Костромскомъ соборѣ кромѣ Сарайскаго еп. Софоніи, мы видимъ только 3 членовъ, принадлежавшихъ, притомъ къ одному лишь району. Кострома, упоминаемая какъ городъ въ 1213 году, Иваномъ Калитою присоединена была къ Москвѣ ²⁾ и сдѣлалась однимъ изъ заурядныхъ городовъ въ епархіи митрополита ³⁾. По даннымъ, приведеннымъ Е. Е. Голубинскимъ, митроп. Θεогность съ марта 1330 г. надолго покидаетъ Москву. Кострома могла быть для него перепутьемъ при объѣздѣ епархіи, куда были приглашены для поставленія епископа ⁴⁾ въ Суздаль сосѣдніе владыки Ростовскій и

¹⁾ Русск. Истор. Библ., VI, 83—84.

²⁾ Иконниковъ. Опытъ русск. исторіографіи, т. II, кв. I, стр. 890 и дал.

³⁾ Памятн. книжка для Костромской епархіи, изд. В. Самаряновымъ. Кострома. 1868. Отд. II. Стр. 10 (историч. свѣдѣнія о Костромской епархіи).

⁴⁾ Такъ какъ мѣста поставленія епископовъ: ростовскаго, суздальскаго и тверскаго въ ватиканскихъ записяхъ 1329—1330 г.г. не обозна-

Рязанскій, а также вызванъ былъ для рѣшенія спора о Червленомъ Ярѣ и Сарайскій епископъ Софонія. Вѣроятнѣе всего, что и кандидатъ на Суздальскую кафедру—Даніилъ былъ игуменомъ какого-нибудь изъ монастырей сѣверо-восточной Руси.

Если подвести итогъ всѣмъ сдѣланнымъ нами доселѣ наблюденіямъ, то получится тотъ выводъ, что историкъ русской церкви, собравъ всѣ сохранившіяся данныя о Костромскомъ соборѣ, можетъ замѣнить высказанную Е. Е. Голубинскимъ догадку другою, болѣе для насъ утѣшительною: по обстановкѣ собора болѣе возможно предполагать, что онъ какихъ-нибудь важныхъ, общецерковныхъ постановленій и не дѣлалъ, а былъ занятъ лишь хиротоніей новаго епископа и рѣшеніемъ одного частнаго дѣла—спора о предѣлахъ епархій. Молчаніе лѣтописей и другихъ источниковъ о соборѣ въ Костромѣ тогда становится вполне естественнымъ ¹⁾.

С. Введенскій.

чены, то Е. Е. Голубинскій считаетъ болѣе вѣроятнымъ, что поставленія трехъ указанныхъ епископовъ совершены въ Москвѣ или во Владимирѣ, чѣмъ—въ Новгородѣ (цитов. сочин., стр. 153, прим. 2). Но мы теперь можемъ сказать, что относительно суздальскаго епископа болѣе вѣроятнымъ мѣстомъ хиротоніи должна быть признана Кострома, а не Москва.

¹⁾ Одно событіе изъ церковной жизни Костромы можетъ быть поставлено въ нѣкоторую связь съ присутствіемъ въ ней въ мартѣ 1330 г. митрополита и нѣсколькихъ епископовъ. Въ 1330 году въ Костромѣ крещенымъ мурзою Четомъ былъ основанъ Ипатьевскій монастырь. Проѣзжая черезъ Кострому, Четъ-Захарія, послѣ внезапной болѣзни, удостоился видѣнія пресв. Богородицы съ апостол. Филиппомъ и священномуч. Ипатіемъ Гангрскимъ и получилъ исцѣленіе. Въ благодарность за это Четъ немедленно построилъ на мѣстѣ видѣнія церковь во имя Св. Троицы, апост. Филиппа и св. Ипатія (память послѣдняго празднуется 31 марта) (*А. Ратицинъ*. Полн. собран. историч. свѣдѣній о монастыр. и церквахъ въ Россіи. М. 1852. Стр. 151—152. — *Прот. М. Діевъ*. Историч. описаніе Костромскаго Ипатскаго монастыря. М. 1858. Стр. 5—6, и примѣч. 1-е на стр. 75). Возможно предполагать, что это возникновеніе новаго монастыря совершилось по совѣту и съ благословенія бывшихъ на соборѣ іерарховъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки